

КО ДНЮ ПОБЕДЫ

ДОЛГИЕ ДОРОГИ ВОЙНЫ

(Из воспоминаний ветерана С.И.Плященко)

Известному жодинскому ученому, доктору ветеринарных наук, профессору, заслуженному деятелю науки нашей страны, лауреату премии Совета Министров Республики Беларусь Сергею Ивановичу Плященко в этом году исполнилось бы 93 года. Высококвалифицированный ветеринарный врач, талантливый изобретатель, ветеран Великой Отечественной войны, он награжден 15 орденами и медалями, двумя Почетными грамотами Верховного Совета БССР, четырьмя медалями ВДНХ СССР, Почетной Грамотой Президиума Всесоюзной Академии Наук СССР. Вклад Сергея Ивановича в развитие животноводческих наук весьма велик. Сегодня мы делимся с читателями воспоминаниями ученого о военном периоде жизни. Материалы предоставлены Жодинским краеведческим музеем.

Во второй половине июня 1941 года начались государственные экзамены, а на 2 июля планировался выпускной вечер. Но грянула война, отодвинув на задний план наши учебные дела. Экзамены проходили как что-то естественное, но уже практически никому не нужное. У всех выпускников в кармане уже было назначение на работу. Мне достался Красносельский район Воронежской области.

Числа 30-го июня поехал я домой собрать вещи. Когда 2 июля вернулся в техникум на официальный выпускной, то узнал, что весь курс накануне был отправлен на оборонные работы в Смоленскую или Тульскую область. В разговоре с директором я высказал сожаление, что отстал от своих товарищей (узнать точно, куда они были отправлены, не удалось). «Войны хватит и для тебя», — сказал директор. Как сбылись эти пророческие слова...

Пришлось отправляться в Красное, где меня назначили заведующим зооветпунктом в селе Горки. В моем подчинении было два небольших колхоза. Вновь прибывшему «заведующему» не было даже 17 лет, а ветфельдшеру — около 50.

А в это время через район шел поток беженцев из Украины, тысячи людей пешими, конными, на машинах. Свиристествовала пемецкая авиация. Сколько было убито людей, сожжено машин! Эвакуация... Все двинулось в одном направлении — на Восток.

В конце сентября настал и наш черед. Колхозное стадо необходимо было доставить в Саратовскую область. Однако через полтора-два месяца от него почти ничего не осталось — расстреляли, разбомбили с воздуха. Дальше уже было бессмысленно продолжать путь — наступила зима. Пришлось оставить выживший скот в Бобровском районе, а самому возвращаться в Калач. Так закончился первый этап рабочего пути.

В апреле 1942 года я был вызван в призывную комиссию, а в мае, не дожидаясь призыва в армию, добровольно записался в народное ополчение и был отправлен защищать город Воронеж. По пути наш отряд на станции Таловая попал под первую бомбежку. В Воронеже истребительный батальон, в который я был определен, располагал отечественными зенитными пулеметными установками для стрельбы по немецким самолетам. Удалось сбить немецкого «аса». Наши самолеты появлялись довольно редко, в отличие от нахально курсирующих, бомбящих и поливающих свинцом все движущееся, немецких. Страшно было смотреть на убитых мирных жителей, народных ополченцев, горящие заводы и дома. Горько было видеть разрушенные элеваторы, в которых хранились десятки тысяч тонн зерна. Все это горело, дымило, погибало.

В первых числах июля армия начала уходить из Воронежа, а нас, добровольцев, отправили в Пензу. Началась моя служба в Красной Армии.

Все стремились попасть на фронт. Объяснялось это просто — патриотизм. Да, абсолютное большинство людей ненавидело врага, стремилось участвовать в освобождении Родины. И это не слова, как было!

Из Пензы нас отправили в знаменитые на весь Союз Гороховецкие лагеря, откуда одних отправляли в действующую армию, других в запасные полки, учебные батальоны. Оттуда я попал в город Муром, в 33-ю стрелковую дивизию, в которой я и служил до окончания войны. Сначала курсантом учебного батальона, потом получил сержанта, затем избрали комсоргом. Задача наша — подго-

товка солдат к отправке на фронт.

В декабре 1944 года был направлен в Навашино (25 км от Мурома) комсоргом учебного батальона. Около месяца исполнял обязанности комсорга полка, а после отбыл в батальон. Это уже офицерская должность. В этом батальоне и встретил конец войны. Через месяц после окончания войны был отправлен в Москву в Военное училище имени Верховного Совета РСФСР на курсы переподготовки политсостава. Должность-то у меня была офицерская, а чин старшинский.

Неоднократно меня заставляли сдавать экстерном экзамены на лейтенанта, но я всячески избегал этого — постоянно оставался военным не хотелось. Здесь увлекся философией. Попытка разобраться в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» Энгельса, нас даже допущали до трудов народников и меньшевиков. В чем-то уже начинал разбираться, соображать. Да и интересно было почитать работу антипода Ленина — Михайловского — о роли личности в истории. А вот политэкономия за полгода так и не одолел. «Капитал» Маркса оказался неподъемным.

И второе увлечение — понравилась спортивная гимнастика. Начал кое-какие навыки приобретать, овладевать некоторыми приемами, даже попал в команду, готовившуюся к соревнованиям.

Несмотря на послевоенные трудности, уже чувствовали себя более уверенно, ведь мы победили. Мне повезло: 24-го июня 1945 года, когда состоялся Парад Победы, курсантов нашего училища определили линейными на Красной площади. Я, правда, далеко стоял от трибуны Мавзолея (у Исторического музея), но немного видно было трибуну и Сталина. В то время это много значило.

В декабре 1945 года вышел Указ о второй очереди демобилизации, по которому я как специалист сельского хозяйства подлежал увольнению из армии. Попытки командования уговорить остаться в армии не увенчались успехом. Уговоры брата соблазнить возможностью поступить в Военно-политическую академию также не помогли. После Нового года я уже сбросил шинель и оказался дома. Отец еще служил: из Германии его перебросили на войну с японцами.

Итак, служба, военные годы наконец закончились. Вскоре меня пригласили в райком комсомола, и через неделю был избран секретарем райкома, впоследствии горкома.

1945 год был малоурожайным. Угнетало то, что нередко «черное» приходилось называть «белым». «Организовать проведение сева!» — таков был указ. Семена для посева, картофель для посадки надо было собирать по дворам колхозников, а там полуголодные дети. Обрывать их на голод было не по силам. Но сеять-то надо. А 1946 год тоже выдался засушливым. Рабочих волов кормили соломой с крыш. Все чаще возникала мысль, что надо учиться, поступать в институт. Комсомольскому работнику дальше один путь — партийная работа, а я не чувствовал себя пригодным к ней.

Итак, решение принято, готовлюсь к поступлению в институт. Засел за учебники, ведь общеобразовательные дисциплины в техникуме преподавать закончили на втором курсе, т.е. в 1939 году. Следовательно, прошло около семи лет — многое улетучилось из головы, надо восстанавливать. В разгар подготовки к приемным экзаменам получил два извещения из институтов, что принят. В результате выбрал ветеринарию. Почему? Там среди первокурсников более половины — фронтовики, то есть стартовые воз-

можности у нас были одинаковые, а у меня даже некоторые преимущества — я уже имел среднее сельскохозяйственное образование и с отдельными специальными дисциплинами был знаком.

Потихоньку дело наладилось — экзамены за первый семестр сдал на отлично, за исключением четверки по латинскому языку (подвела шпаргалка вместо того, чтобы помочь). Предлагали пересдать. Думаю, зачем? Впереди еще уйма экзаменов, об отличных результатах даже мысли не возникало. Но оказалось, что эта четверка была единственной за все пять лет учебы, все остальные семестры сдавал экзамены на отлично.

Учеба, действительно, была очень тяжелой. И не столь самим познанием, сколько из-за неустойчивости.

Воронеж был разрушен процентов на 90, особенно жилая и промышленная зоны. Немного сохранились лишь окраины. Разрушен был практически полностью и институт, в последующем его развалины были снесены, и построены новые здания. Поэтому осваивали отатки ветеринарных клиник, где сохранились в какой-то мере целыми стены и потолки, закладывали проемы окон кирпичом (некоторые помещения оставались совершенно без естественного освещения), соорудили столы, скамейки, и начинали заниматься. Все это делали мы сами.

За время войны и эвакуации институт растерял основную часть квалифицированных преподавателей, их обязанности нередко выполнялись недостаточно опытные врачи, а порой и случайные люди.

Все это навело на мысль: «А не попытаться ли перебраться в Ленинградский ветеринарный институт?». Я связался с дирекцией, и там дали согласие, но без стипендии и жилья. Благо, что в Ленинграде учился брат Яков, который сказал: «Проживем вдвоем на аспирантскую стипендию, а ночевать будешь у меня». И я рискнул. Ведь Ленинградский институт — один из ведущих вузов нашего профиля. Там работали профессоры, авторы многих учебников и монографий, и было заманчиво учиться у них.

Приехал в Ленинград с энтузиазмом и в то же время с сомнением: а правильно ли я поступил, сев на шею Яше? Но судьба улыбнулась: через неделю определили в общежитие, а через несколько недель Министерство сельского хозяйства дало согласие на перевод моей стипендии из Воронежа в Питер. И так я стал полноправным студентом ЛВИ — Ленинградского ветеринарного института.

С жадностью набросился на учебники. Ленинград, конечно, произвел неизгладимое впечатление, хотя в городе было много разрушений. Несмотря на ограниченный бюджет, ринулся в театры и музеи. В Ленинграде я впервые попал в оперу. С каким вол-

нением, трепетом, внутренним переживанием, с какой гордостью воспринималась финальная сцена оперы Глинки «Иван Сусанин» — «Славься...». Действительно, с чувством гордости, буквально со слезами на глазах воспринимались хор и музыка в этой сцене. Мы гордились своей Родиной, как бы сегодня ни относилось к этому выросшее новое поколение. Несмотря на некоторые сложности, трудности, мы чувствовали себя причастными ко всему светлому, доброму, что порой окружало нас.

Ирина Супранович,
директор Жодинского
краеведческого музея

Под руководством Сергея Плященко в НИИ животноводства были организованы исследования, направленные на изучение и предупреждение стресс-факторов (влияние внешних нервных раздражителей) в жизни и развитии потомства крупного рогатого скота. Именно им впервые в БССР была разработана прогрессивная классификация стрессов у сельскохозяйственных животных. Эти исследования нашли отражение в трех монографиях, одна из которых была издана в Чехословакии.

За свои многочисленные изобретения, за новаторские предложения по строительству животноводческих комплексов, использование в их строительстве промышленных отходов, что позитивно сказывалось на экологии окружающей среды, Плященко и группе ученых НИИ стройматериалов, работающих с ним, была присуждена премия Совета Министров БССР.

21 апреля 1972 года Сергею Плященко было присвоена ученая степень доктора ветеринарных наук, а 29 декабря того же года он утвержден ученым советом в звании профессора по специальности «Гигиена сельскохозяйственных животных».

Сергей Иванович принимал активное участие в подготовке и аттестации научных кадров. Подготовил и выпустил около десяти докторов и почти сорок кандидатов наук. С 1974 года — член Экспертного совета и Экспертной группы по животноводству и ветеринарии Академии Наук СССР.

Большое значение ученый уделял не только животноводству, но и гуманитарным, экологическим вопросам животноводства. Сергеем Ивановичем было напечатано более 600 научных работ, в том числе 50 монографий, справочников, материалов, учебно-методических пособий, книг и брошюр. Он являлся автором и соавтором 38 изобретений и десятка рационализаторских предложений по гигиене сельскохозяйственных животных на фермах и промышленных комплексах, из них более 20 защищены авторским свидетельством, за что он был награжден почетным знаком «Изобретатель СССР». 13 апреля 1979 года ученому было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Белорусской ССР».